

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'27:81'42
ББК Ш105.51+Ш100.621

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.20

Э. В. Будаев
Екатеринбург, Россия

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются основные теоретико-методологические и тематические направления исследований в области критического анализа политического дискурса. В теоретико-методологическом аспекте выделяется три основных подхода к критическому дискурсу-анализу: диалектико-реляционный подход (*Dialectical Relational Approach*), разрабатываемый Н. Фэйрклафом и его последователями и направленный на изучение реляции между дискурсом, деятельностью, субъектами, социальными отношениями, ценностями, временем и местом коммуникации; социокогнитивный подход (*Socio-Cognitive Approach*), фокусирующий внимание на изучении отношений между когнитивными структурами, дискурсом и обществом (Т. Ван Дейк и его школа); дискурсивно-исторический подход Р. Водак (*Discourse-Historical Approach*), призванный изучить, как язык и иные семиотические системы используются властными элитами для поддержания своего доминирования на текстуальном, интертекстуальном и интердискурсивном уровнях. К дополнительным направлениям критического анализа политического дискурса отнесены дуйсбургская школа критического дискурса-анализа (З. Егер, Ф. Майер) и опосредованный дискурс-анализ (*Mediated Discourse Analysis*) (Р. Сколлон, С. Сколлон). Среди тематических направлений ведущее место занимают исследования образов угнетаемых социальных групп, концептуализации терроризма, воспроизводства политических предрассудков в смежных типах дискурса, анализ стратегий легитимации евроцентризма и постколониализма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: критический дискурс-анализ; политический дискурс; политические коммуникации; лингвистические исследования.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, теории и методики обучения, Российский государственный профессионально-педагогический университет; профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620012, Россия, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, д. 11; e-mail: aedw@mail.ru.

Значимая роль в современной методологии изучения политической коммуникации принадлежит критическому анализу политического дискурса. Данное направление исследований относится не к онтологическому, а к аксиологическому уровню методологии. Если на онтологическом уровне ученые акцентируют внимание на дискурсе как объекте действительности, то на аксиологическом уровне проявляется ценностное отношение субъекта исследования к экстралингвистическим факторам функционирования политической коммуникации.

На аксиологическом уровне методологии разграничивается критический и дескриптивный подходы к политическому дискурсу. При дескриптивном подходе превалирует стремление описать и объяснить феномены, избегая при этом идеологических оценок, связанных с политическими убеждениями субъекта исследования. Критический подход направлен на анализ социального неравенства, выраженного в дискурсе, а исследователь политического дискурса открыто занимает позицию лишенных власти и угнетенных. Как отмечает Т. ван Дейк, среди исследователей этого направления «не может быть ученых, занимающих отстраненную и тем более индифферентную позицию» [Dijk 1993: 253].

Истоки критического дискурс-анализа (КДА) восходят к исследованиям мыслите-

лей, предпринимавших попытки выявить сущность и факторы социального угнетения, в том числе и для выработки методов построения справедливых социальных отношений. Среди них важное значение имеют работы К. Маркса, упоминание которого в России после распада СССР стало ассоциироваться с «устаревшей» и «квазинаучной» идеологией, в то время как в зарубежной науке данный мыслитель всегда считался одним из ведущих исследователей в области экономики и социологии, а его труды активно использовались для построения далеких от революционной тематики теорий. По мнению Н. Фэрклафа и П. Грэма, К. Маркса можно рассматривать как одного из первых практиков критического дискурс-анализа [Fairclough, Graham 2010].

Немаловажную роль в формировании критического дискурс-анализа сыграли идеи А. Грамши и Л. П. Альтюссера, а также взгляды философов Франкфуртской школы, в особенности Ю. Хабермаса. Большой вклад в становление КДА внесли идеи М. Фуко, хотя он и походил к рассмотрению взаимовлияния социального бытия и сознания с противоположных марксизму позиций. Наконец, нельзя не упомянуть о влиянии лондонской школы анализа новостей М. Халлидея и критических исследований Н. Хомского на генезис КДА.

Сторонники современного критического анализа дискурса изучают способы речевого

воздействия, позволяющие власти осуществлять свое господство в обществе. Специалисты стремятся выяснить, как именно при помощи коммуникативной деятельности предписывается и воспроизводится социальное, гендерное, расовое или этническое неравенство, а также намечают способы языкового сопротивления. Представители этого направления занимают активную социальную позицию, они ищут пути для предупреждения социальных конфликтов.

Материалом для критического дискурс-анализа, как правило, становятся политические тексты, создаваемые в ситуации социального риска и отражающие неравенство коммуникантов. Определение «критический» используется в подобных исследованиях для того, чтобы подчеркнуть обычно скрытые для неспециалистов связи между языком, властью и идеологией. Детальное изучение текстов помогает выявить имплицитно выраженные бессознательные установки коммуникантов и на этой основе показать результаты воздействия дискурса на восприятие информации. С 1990 г. выходит специальный журнал «Discourse and Society» («Дискурс и общество») (под ред. Т. ван Дейка), представляющий публикации названного направления, созданные в различных странах, а также журнал «Critical Discourse Studies» («Критические исследования дискурса») (под ред. Н. Фэрклафа и Р. Водак).

Современные теоретические основания критического дискурс-анализа представлены в исследованиях Т. ван Дейка [van Dijk 2014], Н. Фэрклафа [Fairclough 2015], Р. Водак, М. Хосравиника и Й. Унгера [Unger et al. 2016], в монографии «Methods of Critical Discourse Analysis» [2015] под ред. Р. Водак и М. Мейера и др. В 2010 г. вышел специальный словарь [Lexikon Kritische Diskursanalyse 2010], в котором описаны несколько сотен центральных понятий критического анализа дискурса (в основном в русле концепции М. Фуко).

Что касается теоретико-методологических вариаций современного критического дискурс-анализа, то здесь выделяются три основных подхода.

1. Диалектико-реляционный подход (Dialectical Relational Approach), разработанный Норманом Фэрклафом [Fairclough 2009] преимущественно на основе марксистской теории. Для данного подхода характерно оперирование терминами «доминирование» (dominance), «сопротивление» (resistance), «гибридизация дискурсивных практик» (hybridization of discursive practices), «технологизация дискурса» (technologisation of dis-

course). Диалектико-реляционный подход подразумевает изучение отношений (реляции) между такими атрибутами анализа, как дискурс, деятельность, субъекты, социальные отношения, ценности, время и место коммуникации. Цель диалектико-реляционного подхода сводится к изучению семиотического отражения социального конфликта в политическом дискурсе.

2. Социокогнитивный подход (Socio-Cognitive Approach), разрабатываемый Т. ван Дейком [Van Dijk 2009, 2014]. Данный подход направлен на изучение отношений между когнитивными структурами, дискурсом и обществом. Подход сформировался в результате объединения эвристик лингвистического анализа текста, психологического анализа моделей памяти и моделирования структур сознания (фреймов) в когнитивистике. Традиционные понятия этого подхода: фреймы (frames), стереотипы (stereotypes), воспроизводство этнических предрассудков (the reproduction of ethnic prejudice), злоупотребление властью (power abuse), угнетаемые группы (dominated groups), контекстуальные модели (contextual models) и структуры знания (K-device). Последнее понятие включает в себя личностные, межличностные, групповые, институциональные, национальные и культурные знания.

3. Дискурсивно-исторический подход (Discourse-Historical Approach) (ДИА), предложенный Р. Водак [Wodak 2009]. Основная цель данного подхода — изучить, как язык и иные семиотические системы используются властными элитами для поддержания своего доминирования. Важный принцип дискурсивно-исторического подхода — объединение текстуального и контекстуального уровней анализа. При этом контекст понимается как сложный феномен, состоящий из нескольких уровней: лингвистический контекст (co-text), интертекстуальный и интердискурсивный уровень, экстралингвистический уровень, социально-политический и исторический уровень. Установление связей между текстами и дискурсами сопровождается процессами *деконтекстуализации* и *реконтекстуализации*. Ключевые понятия подхода связаны с шестью стратегиями идентификации идеологической позиции: *номинация*, *предикация*, *аргументация*, *«смягчение позиции»* (mitigation), *перспективизация* и *интенсификация*.

Помимо трех основных подходов, формирующих ядро критического дискурс-анализа, можно упомянуть о **Дуйсбургской школе критического дискурс-анализа**, возглавляемой З. Егером и Ф. Майером [Jäger, Maier 2009]. Дуйсбургская школа продолжает

традиции дискурс-анализа, заложенные Мишелем Фуко.

Еще одно направление — **опосредованный дискурс-анализ** (Mediated Discourse Analysis), разрабатываемый Р. Сколлоном и С. Сколлоном [Scollon 2003; Scollon, Scollon 2005]. Этот подход опирается на эвристики этнографии, семиотики, философию Китаро Нисиды и труды французского социолога П. Бурдьё (особенно его понятие *габитуса*).

Так как критический дискурс-анализ является все-таки аксиологическим подходом, его специфика выражается не в наборе оригинальных методик, которые нередко заимствуются из других направлений (когнитивной лингвистики, социолингвистики, лингвистики текста), а в основных тематических направлениях, позволяющих максимально реализовывать базовые принципы критического подхода.

В тематическом ракурсе современные исследования в сфере критического дискурс-анализа направлены на изучение способов формирования негативного образа определенных социальных групп. Объектом анализа может стать любая совокупность людей, объединенных существенным признаком социального характера (общей деятельностью или общими этническими, демографическими, религиозными, гендерными и другими характеристиками), чьи права ущемляются посредством дискурса, рассматриваемого как средство конструирования социальной реальности.

За последние годы исследователи рассмотрели, как дискурс власти и СМИ формирует выгодные в текущей политической конъюнктуре образы рабочих, бездомных, мусульман, секс-меньшинств [Cheng 2015; Diabah, Amfo 2015; Eriksson 2015; Kilby et al. 2013; Mellouki 2015; Strom 2015; Toft 2014]. Традиционно высокий интерес лингвисты проявляют к изучению дискурсивного проявления ксенофобии по отношению к мигрантам в СМИ и политическом дискурсе [Burgoughs 2015; Don, Lee 2014; Pecoud 2014; Hart 2014; Khosravini 2014; Lamb 2013; Lueck et al. 2015; Martínez Lirola 2014; Migraciones 2010; Millar 2013; Wodak 2013 и др.], а также к анализу расистских, фашистских, националистических дискурсов, в которых открыто культивируется «язык ненависти» (hate speech) по отношению к мигрантам [Baker, Potts 2013; Engel, Wodak 2013; Gavins, Simpson 2015; Malmqvist 2015; McGlashan 2013; Musolff 2013; Right-Wing Populism 2013].

В XXI в. мир живет в условиях повышенной террористической угрозы, источник ко-

торой связывается с радикальными исламистскими идеологиями. В критическом дискурс-анализе проблема терроризма занимает важное место, но рассматривается под своим углом зрения. Не подвергая сомнению терроризм как абсолютное зло, авторы акцентируют внимание на том, что терроризм становится концептом, эксплуатируемым СМИ и обществом в качестве реализации ксенофобии по отношению ко всем мусульманам или согражданам, которые являются выходцами из стран Ближнего Востока [Brown 2015; Cheng 2015; Heath-Kelly 2015; Stump, Dixit 2015; Joseph 2015; Maher, Thomson 2015; Saghaye-Biria 2012; Spencer 2015; Toros 2015].

Очевидно, что предрассудки, реализуемые в политическом дискурсе, генетически связаны с образовательным дискурсом. При этом образовательный дискурс может как формировать предрассудки, так и заимствовать их из текущего политического и медиадискурса. В этом направлении усилия исследователей направлены на поиск проявлений нетерпимости в образовательном дискурсе как элемент борьбы за лучшее политическое будущее [Awayed-Bishara 2015; Ayers 2014; Gu 2015; Ng 2014; Ledin, Machin 2015; Romera 2015; Talib, Fitzgerald 2015; Zhang, O'Halloran 2013]. К этим исследованиям примыкают поиски воспроизводства стереотипов в экологическом законодательстве, рассматриваемом как средство ущемления прав не только экологов, но и всех жителей планеты [Bevitori 2014; Gellers 2015; KhosraviNik, Unger 2015; Sabet 2014; Stibbe 2014].

Отдельное направление критического дискурс-анализа связано с анализом стратегий легитимации евроцентризма и постколониализма. Деколонизация многих стран после Второй мировой войны во многом не достигла декларируемых результатов. Нередко бывшие колонии остались в зоне влияния бывших метрополий, произошла лишь трансформация механизмов управления. Среди этих механизмов вмешательства во внутренние дела — методы «мягкой силы», экономические механизмы воздействия, информационная война, индуцирование внутриполитических проблем в бывших колониях и т. п.

Такой подход нередко получает распространение среди исследователей из неевропейских стран. Примером может служить исследование Э. Абало [Abalo 2016]. Автор поставил цель проследить, как в западных СМИ формируется образ венесуэльцев-оппозиционеров и венесуэльцев, поддерживающих официальную власть. Как показал

анализ, западная пресса последовательно формировала образ оппозиционеров как благородных борцов за европейские ценности и жертв авторитарного режима, в то время как венесуэльцы, поддерживающие правительство, но не соответствующие европейским стандартам мировоззрения, выступали в роли злодеев или жертв официальной пропаганды. Схожий подход использовали китайские исследователи, проследившие перманентное воспроизводство предвзятого отношения к китайским реалиям в американском институциональном дискурсе [Zhang, Di 2016].

Все чаще исследователи критического направления обращают внимание на парадокс, заключающийся в использовании демократических лозунгов для оправдания недемократических действий. Под лозунгами защиты прав меньшинств политики-демократы реализуют цели, эксплицитно не декларируемые в политическом дискурсе. Переосмыслению британского дискурса демократии посвящена монография «Discourse and Democracy: Critical Analysis of the Language of Government» [Farrelly 2014]. По признанию автора, написание этой монографии его сподвиг случай в его родном городе Престоне. Как выяснилось, руководство города вело секретные переговоры с одним из наиболее богатых людей Великобритании, который рассчитывал, что его девелоперская компания получит контракт на снос большей части центра города и его застройку более выгодными для хозяина компании зданиями. Никто не интересовался мнением жителей Престона. Дальнейшее сопоставление дискурсивной объективации концепта демократии с экстралингвистической действительностью приводит автора к выводу о том, что *democracy* — абстрактное понятие, используемое политическими элитами для поддержания существующего социального неравенства и легитимации войн.

Со времен публикации Дж. Лакоффом исследования о метафорическом оправдании войны в Персидском заливе [Lakoff 1991] тема «справедливой войны» не сходит со страниц критических исследований. В последние годы проблема легитимации военной агрессии рассматривается преимущественно на примере американского политического дискурса, что вполне закономерно, учитывая ведущую роль США в развязывании военных конфликтов [Bhatia 2013; Dunmire 2013; Gavriely-Nuri 2015; Hodges 2013; Podvornaia 2013; Sahlane 2013].

Отдельный интерес сторонников критического дискурс-анализа вызывает анализ примеров дискриминации языка мень-

шинств. Типичный пример такого ракурса анализа — публикации Р. Вессеи, посвященные так называемому Пастагейту [Vessey 2015, 2016]: когда инспекторы из Квебекского офиса французского языка (OQLF) стали возражать против использования слова *pasta* в меню итальянского ресторана в Монреале в 2013 г., в СМИ и социальных медиа разгорелись споры. *Pastagate* (как стали называть этот случай по уже ставшей традиционной морфологической модели для политических скандалов) выявил наличие идеологического противостояния по языковым вопросам, казалось бы, в благополучном и толерантном канадском обществе.

Широкая популярность критического дискурс-анализа в политической лингвистике сочетается с нередкой критикой этого подхода. К основным недостаткам критического анализа относят игнорирование эвристик когнитивной лингвистики [Chilton 2005], неприменимую «критичность» анализа [Billig 2003] (должны существовать тексты, которые не вызывают критики, а заслуживают одобрения, что потребует дополнительного критического анализа «позитивным дискурс-анализом»), субъективность интерпретаций [Mautner 2009], которую можно нивелировать с помощью привлечения количественных методов.

REFERENCES

1. Abalo E. Through eurocentric logics. The construction of difference in foreign news discourse on Venezuela // Journal of Language and Politics. 2016. Vol. 15 (1). P. 94—115.
2. Awayed-Bishara M. Analyzing the cultural content of materials used for teaching English to high school speakers of Arabic in Israel // Discourse & Society. 2015. Vol. 26, No. 5. P. 517—542.
3. Ayers R. Crossing Borders: The Role of Discourse Diversity in Multicultural Education // Multicultural Education Review. 2014. Vol. 6, Iss. 2. P. 53—80.
4. Baker P., Potts A. 'Why do white people have thin lips?' Google and the perpetuation of stereotypes via auto-complete search forms // Critical Discourse Studies. 2013. Vol. 10, Iss. 2. P. 187—204.
5. Bevtori C. Values, Assumptions and Beliefs in British Newspaper Editorial Coverage of Climate Change // Contemporary Critical Discourse Studies. — London : Bloomsbury Academic, 2014. P. 603—625.
6. Bhatia A. World of the Impolitic: A Critical Study of the British WMD Dossier // Discourses of War and Peace / ed. by A. Hodges. — New York : Oxford Univ. Pr., 2013. P. 95—117.
7. Billig M. Critical Discourse Analysis and the Rhetoric of Critique // Critical Discourse Analysis / ed. by G. Weiss, R. Wodak. — Houndmills : Palgrave Macmillan, 2003. P. 35—46.
8. Brown K. Marginality as a Feminist Research Method in Terrorism and Counter-Terrorism Studies // Critical Methods in Terrorism Studies / ed. By P. Stump, J. Dixit. — New York : Routledge, 2015. P. 137—149.
9. Burroughs E. Discursive representations of 'illegal immigration' in the Irish newsprint media: The domination and multiple facets of the 'control' argumentation // Discourse & Society. 2015. Vol. 26 (2). P. 165—183.
10. Cheng J. Islamophobia, Muslimophobia or racism? Parliamentary discourses on Islam and Muslims in debates on the minaret ban in Switzerland // Discourse & Society. 2015. Vol. 26 (5). P. 562—586.
11. Chilton P. Missing Links in Mainstream CDA: Modules, Blends and the Critical Instinct // A New Agenda in (Critical)

Discourse Analysis / R. Wodak, P. Chilton. — Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins, 2005. P. 19—51.

12. Diabah G., Amfo N. Caring supporters or daring usurpers? Representation of women in Akan proverbs // *Discourse Society*. 2015. Vol. 26, No. 1. P. 3—28.

13. Don Z. M., Lee Ch. Representing immigrants as illegals, threats and victims in Malaysia: Elite voices in the media // *Discourse & Society*. 2014. Vol. 25. P. 687—705.

14. Dunmire P. 'New World Coming': Narratives of the Future in U.S. Post-Cold War National Security Discourse // *Discourses of War and Peace* / ed. by A. Hodges. — New York : Oxford Univ. Pr., 2013. P. 23—46.

15. Engel J., Wodak R. Calculated Ambivalence and Holocaust Denial in Austria // *Analysing Fascist Discourse: European Fascism in Talk and Text* / R. Wodak, J. E. Richardson (eds.). — London : Routledge, 2013. P. 73—96.

16. Eriksson G. Ridicule as a strategy for the recontextualization of the working class. A multimodal analysis of class-making on Swedish reality television // *Critical Discourse Studies*. 2015. Vol. 12, Iss. 1. P. 20—38.

17. Fairclough N. A Dialectical-Relational Approach to Critical Discourse Analysis // *Methods of Critical Discourse Analysis* / ed. by R. Wodak, M. Meyer. — London : Sage, 2009. P. 162—186.

18. Fairclough N. *Language and Power*. — London : Routledge, 2015. 264 p.

19. Fairclough N., Graham Ph. W. Marx as a Critical Discourse Analyst: The Genesis of a Critical Method and its Relevance to the Critique of Global Capital // *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. — Oxon and New York : Routledge, 2010. P. 301—346.

20. Farrelly M. *Discourse and Democracy. Critical Analysis of the Language of Government*. — London : Routledge, 2015. 138 p.

21. Gavins J., Simpson P. Regina v John Terry: The Discursive Construction of an Alleged Racist Event // *Discourse & Society*. 2015. Vol. 26, No. 6. P. 712—732.

22. Gavriely Nuri D. Friendly fire: war-normalizing metaphors in the Israeli political discourse // *Journal of Peace Education*. 2009. Vol. 6, Iss. 2. P. 153—169.

23. Gellers J. Greening critical discourse analysis. Applications to the study of environmental law // *Critical Discourse Studies*. 2015. Vol. 12, Iss. 4. P. 482—493.

24. Hart C. *Discourse, Grammar and Ideology. Functional and Cognitive Perspectives*. — London : Bloomsbury Academic, 2014. 232 p.

25. Heath-Kelly Ch. Talking about Revolution: Ex-militant Testimony and Conditions of 'Tell-ability' // *Critical Methods in Terrorism Studies* / ed. by P. Stump, J. Dixit. — New York : Routledge, 2015. P. 150—161.

26. Hodges A. The Generic U.S. Presidential War Narrative: Justifying Military Force and Imagining the Nation // *Discourses of War and Peace* / ed. by A. Hodges. — New York : Oxford Univ. Pr., 2013. P. 47—68.

27. Jäger S., Maier F. Theoretical and Methodological Aspects of Foucauldian Critical Discourse Analysis and Dispositive Analysis // *Methods of Critical Discourse Analysis* / ed. by R. Wodak, M. Meyer. — London : Sage, 2009. P. 34—61.

28. Joseph J. Reading Documents in their Wider Context: Foucauldian and Realist Approaches to Terrorism Discourse // *Critical Methods in Terrorism Studies* / ed. by P. Stump, J. Dixit. — New York : Routledge, 2015. P. 19—32.

29. Kilby L., Horowitz A. D., Hylton P. L. Diversity as victim to 'realistic liberalism': analysis of an elite discourse of immigration, ethnicity and society // *Critical Discourse Studies*. 2013. Vol. 10, Iss. 1. P. 47—60.

30. Khosravini M. Immigration Discourses and Critical Discourse Analysis: Dynamics of World Events and Immigration Representations in the British Press // *Contemporary Critical Discourse Studies* / ed. by C. Hart, P. Cap. — London : New York : Bloomsbury Academic, 2014. P. 501—519.

31. Khosravini M, Unger J. Critical Discourse Studies and Social Media: power, resistance and critique in changing media ecologies // *Methods of Critical Discourse Studies* / ed. by R. Wodak, M. Meyer. — London : Sage, 2015. P. 206—233.

32. Lakoff G. *Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf*. 1991. URL: metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm.

33. Lamb E. Power and resistance: New methods for analysis across genres in critical discourse analysis // *Discourse & Society*. 2013. Vol. 24 (3). P. 334—360.

34. Lexikon Kritische Diskursanalyse: Eine Werkzeugkiste / S. Jäger, J. Zimmermann (Hrsgs.). — Münster : Unrast, 2010. 144 S.

35. Lueck K., Due C., Augoustinos M. Neoliberalism and nationalism: Representations of asylum seekers in the Australian mainstream news media // *Discourse Society*. 2015. Vol. 26, No. 5. P. 608—629.

36. Maher D., Thomson A. Applying Marxism to Critical Terrorism Studies: Analysis through a Historical Materialist Lens // *Critical Methods in Terrorism Studies* / ed. by P. Stump, J. Dixit. — New York : Routledge, 2015. P. 33—46.

37. Ledin P., Machin D. A multimodal critical discourse analytic approach to university rebranding // *Handbook of Brand Semiotics* / ed. G. Rossolatos. — Kassel : Kassel Univ. Pr., 2015. P. 328—363.

38. Malmqvist K. Satire, racist humour and the power of (un)laughter: On the restrained nature of Swedish online racist discourse targeting EU-migrants begging for money // *Discourse & Society*. 2015. Vol. 26, No. 6. P. 733—753.

39. Martínez Lirola M. Exploring visual dysphemisms in pieces of news related to immigrant minors in a Spanish newspaper // *Visual Communication*. 2014. Vol. 13 (4). P. 405—427.

40. Mautner G. Checks and Balances: How Corpus Linguistics can Contribute to CDA // *Methods of Critical Discourse Analysis* / R. Wodak, M. Meyer. — London : Sage, 2009. P. 122—143.

41. McGlashan M. The Branding of European Nationalism: perpetuation and novelty in racist symbolism // *Analysing Fascist Discourse: European Fascism in Talk and Text* / R. Wodak, J. E. Richardson (eds.). — London : Routledge, 2013. P. 297—314.

42. Mellouki S. The infusion of Islam into pluralistic politics: The need to explore the Islamist identity beyond ideological boundaries — The case of the Moroccan Party of Justice and Development // *Discourse & Society*. 2015. Vol. 26 (6). P. 662—681.

43. *Methods of Critical Discourse Analysis* / ed. by R. Wodak, M. Meyer. — London : Sage, 2015. 272 p.

44. *Migraciones, discursos e ideologías en una sociedad globalizada: claves para su mejor comprensión* / M. Martínez Lirola (ed.). — Alicante : Instituto Alicantino de Cultura Juan Gil Albert, 2010. 160 p.

45. Musolff A. The heart of Europe: Synchronic variation and historical trajectories of a political metaphor // *Speaking of Europe. Approaches to complexity in European political discourse* / ed. by K. Fløttum. — Amsterdam : John Benjamins, 2013. P. 135—150.

46. Ng C. J. W. 'We offer unparalleled flexibility': Purveying conceptual values in higher educational corporate branding // *Discourse and Communication*. 2014. Vol. 8 (4). P. 391—410.

47. Pecoud A. Depoliticising Migration. *Global Governance and International Migration Narratives*. — Basingstoke : Palgrave, 2014. 145 p.

48. Podvornaia A. The Discursive Battlefield of the "War on Terror": Enabling Strategies for Garnering Public Support in the Rhetoric of George W. Bush and Osama bin Laden // *Discourses of War and Peace* / ed. by A. Hodges. — New York : Oxford Univ. Pr., 2013. P. 69—94.

49. Right-wing populism in Europe: politics and discourse / ed. by R. Wodak, M. Khosravini, B. Mral. — London : Bloomsbury, 2013. 334 p.

50. Romera M. The transmission of gender stereotypes in the discourse of public educational spaces // *Discourse & Society*. 2015. Vol. 26. P. 205-229.

51. Sabet M. 'Moral offset'. Competing framings of pro-environmental lifestyle choices // *Critical Discourse Studies*. 2014. Vol. 11(1). P. 95—116.

52. Saghaye-Biria H. American Muslims as radicals? A critical discourse analysis of the US congressional hearing on 'The Extent of Radicalization in the American Muslim Community and That Community's Response' // *Discourse & Society*. 2012. Vol. 23 (5). P. 508—524.

53. Sahlane A. Metaphor as rhetoric: newspaper Op/Ed debate of the prelude to the 2003 Iraq War // *Critical Discourse Studies*. 2013. Vol. 10, No. 2. P. 154—171.

54. Scollon S. *Political and Somatic Alignment: Habitus, Ideology and Social Practice* // *Critical Discourse Analysis. Theory and Interdisciplinarity* / ed. by G. Weiss, R. Wodak. — London : Pal-

grave Macmillan, 2003. P. 167—198.

55. Scollon R., Scollon S. Lighting the Stove: Why Habitus Isn't Enough for Critical Discourse Analysis // *A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis* / ed. by R. Wodak, P. Chilton. — Amsterdam : John Benjamins, 2005. P. 101—117.

56. Spencer A. Metaphor Analysis as a Method in Terrorism Studies // *Critical Methods in Terrorism Studies* / ed. by P. Stump, J. Dixit. — New York : Routledge, 2015. P. 91—107.

57. Stibbe A. An Ecolinguistic Approach to Critical Discourse Studies // *Critical Discourse Studies*. 2014. Vol. 11 (1). P. 117—128.

58. Strom M. Intersemiotic relationships in Spanish-language media in the United States: A critical analysis of the representation of ideology across verbal and visual modes // *Discourse & Communication*. 2015. Vol. 9. P. 487—508.

59. Talib N., Fitzgerald R. Inequality as Meritocracy; The use of the metaphor of diversity and the value of inequality within Singapore's meritocratic education system // *Critical Discourse Studies*. 2015. Vol. 12 (4). P. 445—462.

60. Toft A. Contesting the deviant other: Discursive strategies for the production of homeless subjectivities // *Discourse & Society*. 2014. Vol. 25. P. 783—809.

61. Toros H. Terrorists as Co-Participants? Outline of a Research Model // *Critical Methods in Terrorism Studies* / ed. by P. Stump, J. Dixit. — New York : Routledge, 2015. P. 49—58.

62. Unger J., Wodak R., Khosravini M. Critical Discourse Studies and Social Media Data // *Qualitative Research* / ed. by D. Silverman. — London : SAGE, 2016. P. 277—293.

63. Van Dijk T. Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach // *Methods of Critical Discourse Analysis* / R. Wodak, M. Meyer. London : Sage, 2009. P. 62—86.

64. Van Dijk T. Discourse and Knowledge A Sociocognitive Approach. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2014. 407 p.

65. Van Dijk T. Principles of Critical Discourse Analysis / T. Van Dijk // *Discourse and Society*. 1993. Vol. 4 (2). P. 243—289.

66. Vessey R. Food fight: conflicting language ideologies in English and French news and social media // *Journal of Multicultural Discourses*. 2015. Vol. 10 (2). P. 253—271.

67. Vessey R. Language ideologies in social media. The case of Pastagate // *Journ. of Language and Politics*. 2016. Vol. 15 (1). P. 1—24.

68. Wodak R. Dis-citizenship and migration: a critical discourse-analytical perspective // *Journ. of Language, Identity and Education*. 2013. Vol. 12 (3). P. 173—178.

69. Wodak R. The Discourse-Historical Approach // *Methods of Critical Discourse Analysis* / ed. by R. Wodak, M. Meyer. — London : Sage, 2009. P. 63—94.

70. Zhang H., Di W. Making intelligence more transparent. A critical cognitive analysis of US strategic intelligence reports on Sino-US relation // *Journ. of Language and Politics*. 2016. Vol. 15 (1). P. 63—93.

71. Zhang Y., O'Halloran K. 'Toward a global knowledge enterprise': university websites as portals to the ongoing marketization of higher education // *Critical Discourse Studies*. 2013. Vol. 10, Iss. 4. P. 468—485.

E. V. Budaev
Ekaterinburg, Russia

CRITICAL ANALYSIS OF POLITICAL DISCOURSE: MAIN TRENDS OF CONTEMPORARY FOREIGN RESEARCH

ABSTRACT. *The paper deals with principal theoretical and methodological approaches to critical analysis of political discourse and main subjects within the framework. As theoretical and methodological approaches are concerned there three main approaches to CDA: Dialectical Relational Approach, Socio-Cognitive Approach, Discourse-Historical Approach. The goal of Dialectical Relational Approach elaborated by N. Fairclough is to study interrelation of discourse, action, subjects, social relations, values, time and place of communication. Socio-Cognitive Approach developed by T. van Dijk is characterised by the interaction between cognition, discourse and society. The Discourse-Historical Approach (R. Wodak) aims to describe language and other semiotic practices at textual, intertextual and interdiscursive levels as means used by those in power to maintain social domination. Additional frameworks include the Duisburg Approach to CDA (S. Jäger, F. Meier) and Mediated Discourse Analysis developed by R. Scollon and S. Scollon. Main themes of CDA cover study of discursive discrimination of minor social groups, images of terrorism, problems of eurocentrism and neocolonialism.*

KEYWORDS: *critical discourse analysis; political discourse; political communication; linguistic research.*

ABOUT THE AUTHOR: *Budaev Eduard Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Foreign Languages Department, Russian State Vocational Pedagogical University; Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University Ekaterinburg, Russia.*

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.